

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

ABSTRACT

PECULIARITIES OF ENGLISH POLITICAL DISCOURSE AS A LANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

The paper discusses peculiarities of English political discourse viewed as a language for special purposes. The main target of political communication is the struggle for gaining or maintaining power, so its main function is influence and persuasion through speech, for which relevant linguistic means are used. In political discourse a conflict of two trends is observed: on the one hand, the language of politics as a language for special purposes aims at conceptual precision, on the other hand, under the influence of pragmatic factors it tends towards semantic ambiguity. Political discourse not so much conveys information, it rather exerts emotional influence on the addressee, changes the value picture of the world existing in his consciousness and thus predetermines his subsequent actions.

***Key words:** political discourse, political communication, language for special purposes, speech influence, opposition “we-they”, social practice.*

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности англоязычного политического дискурса как языка профессионального общения. Основной целью политической коммуникации является борьба за власть или сохранение власти, а ее основной функцией – оказание речевого воздействия на адресата и его убеждение, на достижение чего и ориентируется выбор лингвистических средств. В политическом дискурсе наблюдается конфликт двух тенденций: с одной стороны, язык политики как профессиональный подъязык стремится к понятийной точности, с другой стороны, он под воздействием прагматических факторов тяготеет к смысловой неопределенности. Рассматривая реальность в значительной степени сквозь призму оппозиции «свой –

чужой», политический дискурс не столько передает информацию, сколько оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в его сознании ценностную картину мира и таким образом пре-
допределяет его последующие действия.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, язык профессионального общения, речевое воздействие, оппозиция «свой – чужой», социальная практика.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԱՆԳԼԱԼԵԶՈՒԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍԻՆ՝ ՈՐՊԵՍ

ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՄԱՆ ԼԵԶԿԻ

ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Հոդվածում դիտարկվում են անգլալեզու քաղաքական դիսկուրսի՝ որպես մասնագիտական հաղորդակցման լեզվի առանձնահատկությունները: Քաղաքական հաղորդակցության հիմնական նպատակն իշխանության հասնելու կամ այն պահպանելու պայքարն է, իսկ հիմնական գործառույթը խոսքային ներազդումն է ու համոզումը, ինչի համար օգտագործվում են համապատասխան լեզվական միջոցներ: Քաղաքական դիսկուրսում նկատվում է երկու հակադարձ միտումների բախում. քաղաքականության լեզուն՝ որպես մասնագիտական ենթալեզու, մի կողմից ձգտում է դեպի հասկացությային ճշգրտություն, մյուս կողմից՝ դեպի գործաբանական գործոններով պայմանավորված իմաստային անորոշություն: Իրականությունը դիտարկելով մեծ մասամբ «յուրային-օտար» հակադրության լույսի տակ՝ քաղաքական դիսկուրսը ոչ այնքան տեղեկատվություն է հաղորդում, որքան հուզականորեն ազդում է հասցեատիրոջ վրա, փոխակերպում է նրա գիտակցության մեջ ձևավորված՝ աշխարհի արժեքային պատկերը և դրանով իսկ կանխորոշում նրա հետագա գործողությունները:

Բանալի բառեր՝ քաղաքական դիսկուրս, քաղաքական հաղորդակցություն, մասնագիտական հաղորդակցման լեզու, խոսքային ներազդում, «յուրային-օտար» հակադրություն, սոցիալական պրակտիկա:

В лингвистической литературе существует, по меньшей мере, два уровня понимания того, что представляет собой дискурс. Согласно пер-

вому определению, дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. Иными словами, это текст плюс его вокругтекстовый фон. Согласно второму определению, под дискурсом понимается совокупность тематически соотнесенных текстов, т.е. текстов по одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов (Чернявская, 2013: 103-104; 114-115).

В исследовательской литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. При узком понимании политический дискурс образует совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом (Баранов, Казакевич, 1991: 6), что ограничивает его сугубо институциональными формами общения.

В широком смысле он включает такие речевые образования и формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. Широкое понимание политического дискурса включает в себя также экстралингвистические факторы (в том числе ритуальное использование символов), влияющие на порождение и восприятие политических текстов.

Придерживаясь широкого подхода к рассмотрению политического дискурса, Е.И. Шейгал считает, что политический дискурс нельзя ограничивать лишь институциональными формами общения, ибо разговоры о политике (в самых разных ракурсах – бытовом, художественном, публицистическом и пр.) «подобны своеобразным ручейкам, питающим реку политической борьбы, так как они, будучи многократно умноженными, вносят вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса». Поэтому исследователь считает логичным исходить

из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее, как уже отмечалось, любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики (Шейгал, 2000: 22-26, 34).

Рассматривая дискурс как единство и взаимодействие текста и контекста (в русле общепринятого понимания дискурса как речи, погруженной в жизнь (Арутюнова, 1990: 137)), Е. И. Шейгал в рамках широкого подхода к политической коммуникации предлагает модель не дискурса вообще, а институционального дискурса. Согласно исследователю, всякий институциональный дискурс (в отличие от лично-ориентированного общения – в бытовом или художественном дискурсе) использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков или, другими словами, обладает собственным подъязыком (специальной лексикой, фразеологией и паремиологией). Поэтому, предлагаемая автором модель институционального дискурса, в данном случае политического, включает также и язык (подъязык). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, модель политического дискурса может быть представлена в виде формулы: дискурс = подъязык + текст + контекст. Компонент «текст» в этой модели конкретизируется как творимый текст + ранее созданные тексты. Компонент «контекст» включает в себя такие разновидности, как ситуативный контекст и культурный контекст (Шейгал, 2000: 26).

Как видим, в предлагаемой Е.И. Шейгал концепции институциональный дискурс оказывается предельно широким понятием, охватывающим как языковую систему (ту ее часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст.

Как справедливо отмечает Е.И. Шейгал, специфика профессиональных языков заключается прежде всего в лексике, предназначенной для номинации референтов той или иной предметной области деяте-

льности. Под «языком политики» понимается терминология и риторика политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли (подобно дискурсам в других профессиональных сферах – религии, медицине, юстиции и пр.). Как считает Е.И. Шейгал, отрицать существование языка политики нет оснований, и его следует рассматривать как один из профессиональных подязыков – вариантов общенационального языка (Шейгал, 2000: 29). Той же точки зрения придерживается и А.П. Чудинов, который отмечает, что «политический язык – это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального языка» (Чудинов, 2012: 32). При этом, «политический язык», как отмечает Е.И. Шейгал, не является прерогативой профессиональных политиков или государственных чиновников; это ресурс, открытый для всех членов языкового сообщества, он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля, или, иными словами, это язык, применяемый в манипулятивных целях, в том числе в вопросах, связанных с политической корректностью (Шейгал, 2000: 31-32).

Политический словарь, особенно его наиболее употребительная часть, является весьма динамичным и изменчивым и с точки зрения убывания стабильности он может быть подразделен на три группы (Там же: 90): 1. Политические константы – оценочно-нейтральная базовая политическая терминология (*state, parliament, elections, power*); 2. Оценочно-маркированные базовые политические термины, которые подвержены частым коннотативным изменениям в зависимости от динамики политических ценностей (*conservative, radical, liberal*); 3. Наиболее подвижный слой – это слова, связанные с политическими инициативами и краткосрочными кампаниями (*privatization, market, reforms*), названия конкретных политических событий (*Caribbean Crisis, Watergate scandal, Gulf War*), лозунги (*A Chicken in Every Pot and a Car in Every Garage (Herbert Hoover); It's Morning Again in America (Ronald Reagan); Building a*

Bridge to the 21st Century (Bill Clinton), Make America Great Again (Donald Trump)), имена действующих политиков.

Что касается грамматического аспекта языка политики, то Е.И. Шейгал считает неправомерным говорить о каких-то грамматических особенностях, присущих языку политики, так же, как и другим специальным подъязыкам. Автор считает, что тенденция к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций еще не дает оснований говорить о наличии у того или иного подъязыка особой грамматики (Шейгал, 2000: 29-30), хотя имеется обширная исследовательская литература, в которой выявлены грамматические и стилистические особенности профессиональных подъязыков (Назарова, Толстова, 2006; Hiltunen, 2012).

Применительно к политическому языку в литературе упоминаются такие особенности грамматики, как, например, тенденция к устранению лица при помощи номинализованных конструкций-девербативов и безагенсного пассива, инклюзивное использование личных местоимений *we, our* (мы, наш). Эти грамматические особенности, однако, в отличие от специальной лексики, не являются чертами, присущими исключительно политическому дискурсу, – данные формы и конструкции используются и в других видах коммуникации (с различием в частотности и прагматической ориентации) (Шейгал, 2000: 29-30).

Особенностью языка политики как специального подъязыка является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как следствие деспециализации политических терминов. Именно эта черта и позволяет некоторым исследователям отрицать существование языка политики. Масштабная деспециализация в политической коммуникации связана с тем, что политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Неудивительно поэтому, что политики активно используют средства массовой информации, включая и такой ресурс массовой коммуникации как социальные сети. Как отмечает Е.И. Шейгал,

политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, но СМИ фактически являются основной средой ее существования, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, которое присуще любому специальному языку. Массовость адресата политической коммуникации обуславливает такую характерную черту политического дискурса как театральность, проявляющуюся в его сюжетно-ролевом компоненте и метафорике (Шейгал, 2000: 30-31, 85-89).

Решающим критерием квалификации коммуникации как политической является ее содержание и цель. Основной целью политической коммуникации является борьба за власть или сохранение власти, а ее основной функцией – оказание речевого воздействия и убеждение адресата, на достижение чего и ориентируется выбор лингвистических средств.

Из отмеченных В.В. Виноградовым трех функций языка (Виноградов, 1963: 6) в политическом дискурсе центральная роль принадлежит функции воздействия, поскольку речь политика нацелена не столько на передачу какой-либо информации или общение с адресатом, сколько именно на оказание влияния на аудиторию. Фактор воздействия присущ также и другим видам дискурса, однако для политического дискурса он является наиболее характерным.

Как отмечает Е.И. Шейгал, интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть, которая и предопределяет его основные функции, включающие интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики, развитие конфликта и установление консенсуса, осуществление вербальных политических действий и информирование о них, создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретация, манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората. Содержание политической коммуникации на функциональном уровне можно свести к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение

сторонников (интеграция), борьба с противником (агрессия как проявление агональности). Отсюда вытекает, что основным организующим принципом семиотического пространства политического дискурса является базовая семиотическая триада «интеграция – ориентация – агональность (агрессия)». Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свои – чужие», которая, будучи культурной константой, является одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков наряду с другими концептуальными оппозициями, отражающими архетипные представления об устройстве мира («мужской – женский», «старший – младший», «верх – низ», «жизнь – смерть», «свет – тьма» и др.). При этом, как отмечает исследователь, любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе являются вторичными по отношению к оппозиции «свой – чужой» («друг – враг»), производными от нее (Шейгал, 2000: 150).

Для выявления функциональных особенностей политического дискурса важное значение имеет понятие жанра, в основе большинства концепций которого лежит определение М.М. Бахтина, согласно которому жанр представляет собой устойчивый тип высказывания, выработанный в определенной сфере использования языка. Как отмечает М.М. Бахтин, выбор речевого жанра определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п. (Бахтин, 1979: 257).

Жанры политического дискурса тесно связаны с категорией прагматики, определяющей как выбор языковых средств, так и самого речевого жанра. Согласно А.П. Чудинову, жанр – это важное средство индивидуализации текста, его соотнесение с условиями речевой деятельности. При этом, каждой коммуникативной ситуации в политической речи соответствует свой корпус жанров, для каждого из которых существуют строгие правила организации текста. В зависимости от цели высказы-

вания автор предлагает различать информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры. Причем информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте (например, в предвыборной листовке) (Чудинов, 2012: 38).

Согласно М.М. Бахтину, помимо предметно-смыслового замысла автора, другим фактором, определяющим композицию и стиль высказывания, является «экспрессивный момент, то есть субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания. В разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно. Оценивающее отношение говорящего к предмету своей речи (каков бы ни был этот предмет) также определяет выбор лексических, грамматических и композиционных средств высказывания» (Бахтин, 1979: 263-264).

В политическом дискурсе наблюдается конфликт двух тенденций – к понятийной точности и смысловой неопределенности. С одной стороны, язык политики, как уже отмечалось, – такой же профессиональный подъязык (*language for special purposes*), как, например, язык медиков, юристов, военных и т.д., и, будучи таковым, он должен стремиться к точности обозначения. В то же время номинативная точность как свойство специального подъязыка в языке политики подавляется его прагматически обусловленной смысловой неопределенностью (Шейгал, 2000: 67).

Помимо смысловой неопределенности, одной из главных характерных особенностей политической коммуникации является ее неоднозначность, возможность ее вариативной интерпретации. Как отмечает В.Е. Чернявская, язык как семиотическая система закладывает возможность вариативного отражения объективной действительности средствами этого языка. При общем денотативном значении слова возможны различия в его коннотациях – дополнительных эмоционально-оценочных

субъективно-личностных значениях. План содержания и план выражения высказывания не являются зеркальными, совпадающими один к одному; глубинная и поверхностная структура высказывания не тождественны. Наличие эксплицитного, выраженного средствами языка, и имплицитного – скрытого, не выведенного в поверхностную структуру – компонентов является предпосылкой и источником неоднозначной вариативной интерпретации (Чернявская, 2006: 14).

Как отмечает Д.Б. Гудков, политический дискурс оказывается в своеобразных отношениях с социальной действительностью. В нем она мультиплицируется и виртуализируется, при этом виртуальных миров оказывается несколько (Гудков, 2008: 394-401). Так, например, в ходе предвыборной кампании в Великобритании в 2017 г. лейбористы, как это было сказано в предисловии к их предвыборному манифесту, призвали электорат не позволять консерваторам тянуть страну назад: *“Don’t let the Conservatives hold Britain back”*. Консерваторы же, если судить по названию их предвыборного манифеста 2017 г., предлагали электорату двигаться вперед вместе с ними: *“Forward, Together: Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future”*. Консерваторы в своем предвыборном манифесте утверждали, что их политика привела к рекордно высоким показателям трудовой занятости населения и что они будут продолжать стремиться к достижению полной занятости (*“Employment is at a record high and we will continue to strive for full employment”*), в то время как лейбористы утверждали о падении трудовой занятости (*“The Conservatives boast about the recovery of employment, but our labour market is failing. Real-terms pay is still lower than before the crash, and jobs are increasingly low skilled and insecure”*) (Forward, Together: Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future: The Conservative and Unionist Party Manifesto, 2017: 54; For the many not the few: The Labour Party Manifesto, 2017: 46).

Такие же противоречивые оценки социальной практики можно наблюдать и в американском политическом дискурсе. Так, кандидат от

демократической партии США на президентских выборах 2016 г. Х. Клинтон попытку по налаживанию отношений с Россией и их «перезагрузку» (reset), предпринятую администрацией Б. Обамы в 2009 г., позиционировала как нечто положительное, а намерение Д. Трампа улучшить отношения с Россией в случае его избрания президентом США в 2016 г. – как отрицательное, противоречащее национальным интересам страны.

Как отмечает Р. Водак, анализ дискурса в качестве социальной практики предполагает необходимость его рассмотрения в диалектической связи между конкретным дискурсивным событием и ситуациями, институтами и социальными структурами, которые формируют его. В то же время не только указанные социальные факторы формируют дискурс, но и сам дискурс формирует их. Иными словами дискурс является не только социально конститутивным, но и социально обусловленным (Wodak, 2014: 303).

Многие исследователи политического дискурса отмечают в нем примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным. В отличие, например, от языка науки, предметом которого является объективная реальность, а целью – определение истины, политический язык преимущественно побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата.

Как отмечает А.П. Чудинов, политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира. Политика, пишет он, – это всегда борьба за власть, а «в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто

способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира» (Чудинов, 2012: 7, 11).

Воздействие на воспринимающее сознание может оказываться особым речевым формулированием, нацеленным на внедрение в сознание другой личности определенных оценок, мнений, отношений. Это происходит не всегда прямо и необязательно связано с ложным, искажающим факты изложением. Очень часто язык используется в качестве инструмента власти, в частности, в ходе речевого манипулирования, которое позволяет манипулировать сознанием и поведением человека. Манипулятивность в политическом дискурсе проявляется, например, в частом использовании местоимения *we*, которое может иметь как инклюзивное, так и эксклюзивное значение.

В процессе общения, особенно при манипулятивном воздействии, чрезвычайно важно установление контакта, создание видимости общих интересов, что позволяет провоцировать у партнера чувство солидарности и готовность действовать по удобной манипулятору схеме. Этот прием, называемый в нейролингвистическом программировании «присоединением», широко используется в политической демагогии при обращении лидера к народу в целях отождествления себя с ним и представления себя в качестве выразителя и защитника его интересов (Шейгал, 2000: 160).

Характерной особенностью политического дискурса является наличие в нем идеологической полисемии, являющейся следствием возникновения групповых коннотаций, выражающих интерпретацию политической реальности с позиции той или иной социальной группы. Суть идеологической коннотации заключается в закреплении в качестве компонента смысловой структуры слова одного из звеньев базовой семантической оппозиции политического дискурса – «свой - чужой». Идеологические коннотации неизбежно сопровождаются достаточно прозрачными оценочными импликациями свой (друг) – хороший, чужой (враг) – плохой (Гаврилова, 2008: 7-8).

Оппозиция «свой – чужой», которая определяет специфику политического дискурса, проецируется на все содержание политической коммуникации. Последнее на функциональном уровне можно свести к трем составляющим: 1. формулировке и разъяснению политической позиции, распознаванию, различению «своих» и «чужих» (ориентация); 2. поиску и сплочению сторонников, обособлению от «чужих» (интеграция); 3. борьбе с противником, вербальной агрессии, которая всегда направлена против «чужих» (агональность). Соответственно, в политическом дискурсе, можно разграничивать три типа знаков – знаки ориентации, интеграции и агональности.

Следующий пример, взятый из четвертой инаугурационной речи президента США Ф. Рузвельта 20 января 1945 г. показывает, как он использует политическую афористику в ориентационной функции для обоснования необходимости активного участия США в мировой политике: *“And so today, in this year of war, 1945, we have learned lessons - at a fearful cost - and we shall profit by them. We have learned that we cannot live alone, at peace; that our own well-being is dependent on the well-being of other nations far away. We have learned that **we must live as men, not as ostriches, nor as dogs in the manger.** We have learned to be citizens of the world, members of the human community. We have learned the simple truth, as Emerson said, that **“The only way to have a friend is to be one”.** We can gain no lasting peace if we approach it with suspicion and mistrust or with fear. We can gain it only if we proceed with the understanding, the confidence, and the courage which flow from conviction”* (Fourth Inaugural Address of Franklin D. Roosevelt, January 20, 1945 // https://avalon.law.yale.edu/20th_century/froos4.asp).

Как отмечает Е.И. Шейгал, ориентироваться в поле политики – значит знать, с кем ты и против кого, а также за что и против чего бороться. Функцию ориентации в политическом дискурсе выполняют знаки, отсылающие к основным компонентам области политики: политическим субъектам и политическим ценностям (идеологиям). Специа-

лизированными знаками ориентации, выступающими в качестве знаковых репрезентантов политических субъектов, являются наименования политических институтов, имена политиков, исполняющих институциональные роли, номинации социокультурных локусов – мест пребывания властных органов.

К специализированным знакам интеграции с инвариантным компонентом «свои» относятся в первую очередь невербальные знаки – национально-государственные символы (флаг, герб, гимн), выполняющие функцию самоидентификации нации, а также эмблемы, выражающие групповую идентичность (например, эмблемы политических партий и движений), портретные и скульптурные изображения политических деятелей, ритуальные поведенческие знаки (например, возложение венков) и т.д.

К специализированным вербальным знакам интеграции, позволяющим политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, относятся маркеры «своих». Они включают инклюзивное *we*, позволяющее адресанту отождествлять себя с аудиторией, со всем народом, лексемы единения и совместности (*together, all, everybody, our, unity*); лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией «я свой» (*friends, compatriots, ladies and gentlemen, my fellow Americans*); формулы причастности (*like you*); грамматические формы непрямого императива (1-е л. мн. ч.) со значением включения в сферу его действия говорящего (*Let us*).

Интегрирующую функцию выполняют лозунги и девизы: выражая руководящую идею, цель политической борьбы, они призваны сплотить приверженцев данной идеи, дать им возможность испытать и выразить чувство социальной солидарности. Примером таких лозунгов могут служить предвыборные слоганы, такие как, например, “*Yes, we can*” Б. Обамы или “*Make America great again*” Д. Трампа.

Суть вербальной агрессии в широком понимании заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса, его дискредитацию и делигитимизацию. Согласно Е.И. Шейгал, знаки вербальной агрессии можно разделить на следующие группы: бранная лексика, представляющая собой специализированные общезыковые знаки вербальной агрессии, но непрототипные (неспецифичные) для политического дискурса; маркеры чуждости, представляющие собой специализированные общезыковые знаки вербальной агрессии и являющиеся прототипными для политического дискурса; иронические номинации, которые являются косвенным, а потому – неспециализированным выражением вербальной агрессии и неспецифическим для политического дискурса; ярлыки, которые будучи прототипным для политического дискурса видом инвективы, относятся к неспециализированным знакам вербальной агрессии. Таким образом, к прототипным для политического дискурса знакам агрессии относятся маркеры чуждости и инвективы-ярлыки, при этом ярлыки являются не специализированными, а транспонированными знаками агрессии (Шейгал, 2000: 174).

В заключении отметим, что политическая публичная речь имеет выраженные характеристики убеждающей, персуазивной коммуникации. В то же время политическому дискурсу свойственна суггестивная экспрессивность, реализующая непосредственное воздействие оратора на подсознание аудитории. Для политического дискурса характерен примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным. Все эти факторы реализуются в политической коммуникации для достижения ее главной цели – оказания прямого или косвенного влияния на формирование нужного для адресанта мнения и поведения реципиента, необходимого для распределения власти, ее удержания и использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арутюнова Н.Д.** (1990). Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. **Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.** (1991). Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание.
3. **Бахтин М.М.** (1979). Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
4. **Виноградов В.В.** (1963). Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР.
5. **Гаврилова М.В.** (2008). Политическая коммуникация XX в. СПб: Изд-во Невского института языка и культуры.
6. **Гудков Д.Б.** (2008). Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект. С. 394-401.
7. **Назарова Т.Б., Толстова Т.В.** (2006). Грамматика в деловом общении на английском языке: от функции к формам // Вестник СамГУ. №10/2 (50). С.187-196.
8. **Чернявская В.Е.** (2013). Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта: Наука.
9. **Чернявская В.Е.** (2006). Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука.
10. **Чудинов А.П.** (2012). Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука.
11. **Шейгал Е.И.** (2000). Семиотика политического дискурса. Дис... док. филол. наук. Волгоград.
12. **Hiltunen R.** (2012). The Grammar and Structure of Legal Texts // The Oxford Handbook of Language and Law. Edited by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. Oxford UP. P. 39-51.
13. **Wodak R.** (2014). Critical Discourse Analysis // The Routledge Companion to English Studies. London: Routledge. P.302-316.

Աբրահամյան Սամվել – պ.գ.թ, դոցենտ, ԵՊՀ եվրոպական լեզուների և հաղորդակցության ֆակուլտետ, անգլիական բանասիրության ամբիոն, էլ. փոստ՝ samvel.abrahamyan@ysu.am:

Ներկայացվել է խմբագրություն՝ 19.06.19, տրվել է գրախոսության՝ 20.11.19 - 28.11.19, երաշխավորվել է ԵՊՀ եվրոպական լեզուների և հաղորդակցության ֆակուլտետի անգլերենի թիվ 1 ամբիոնի կողմից, ընդունվել է տպագրության՝ 29.11.19: